

КРЕМЬ 2222

КРЕМЛЬ 2222

Владислав Выставной

СЕВАСТОПОЛЬ

АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 82(2Рос=Рус)6-44
В93

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «КРЕМЛЬ» основана в 2011 году

Оригинал-макет разработан редакцией Астрель СПб
Художник — *Александр Руденко*

Выставной, Владислав Валериевич.

В93 Кремль 2222. Севастополь : [фантастический роман] / Владислав Выставной. — Москва : АСТ, 2015. — 352 с. — (Кремль).

ISBN 978-5-17-090256-9

В схватке с мародерами Зигфрид спасает странного чужеземца. Тот направляется в Кремль за помощью. Если верить чужаку — мир стоит на краю гибели. Время неумолимо, а до Кремля далеко — решение нужно принимать здесь и сейчас.

Зигфрид и его верный друг Книжник готовы поставить на кон свои жизни ради спасения всего, что им дорого. Могут ли двое заменить кремлевскую дружину? Возможно, если эти двое — закаленные в схватках бойцы. Один в совершенстве владеет мечом, другой — забытыми знаниями. Это все, с чем они отправятся туда, куда двести лет не ступала нога человека Кремля. Там, где на берегах моря-убийцы восстает из пепла Последней Войны овеванный легендами Севастополь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 82(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-090256-9

© В. Выставной
© ООО «Издательство АСТ»

ПРОЛОГ

Море кипело.

Черным дождем сыпались с неба опаленные чайки.

Протяжно и страшно кричали дельфины.

Над гигантским, до горизонта, котлом поднимался пар, смешавшийся с радиоактивным дымом. Над горизонтом стояло зарево. Это не закат — это расплзающийся по небу гриб ядерного взрыва.

Они промахнулись — сработали системы ПРО. Чудовищная ирония судьбы: отклоненный защитными системами удар пришелся по силам самого врага, пытавшимся прорваться к бухте. Большая часть группировки испарилась в ядерном хаосе или была сметена взрывной волной, поставив крест на хорошо подготовленном массивном десанте. Хуже всего, что взрывом уничтожено воздушное прикрытие — армада дронов — и ударное авиакрыло истребителей-бомбардировщиков. Одинокий «АВАКС» в безопасной пятидесятимильной зоне не в счет — наводит ему некого. Решать поставленную задачу придется кораблям.

База устояла. Она продолжала жить и сражаться.

Но это была агония.

Уцелевшие десантные корабли объединенных сил НАТО сходились с флангов, огибая бурлящий центр атомного ада. Оставшихся в живых гнал не фанатизм, не стремление погибнуть за эфемерные идеалы Западного мира.

Их вела автоматика.

Казалось, все кончено. Через минуты уткнувшиеся в берег суда изрыгнут на берег сотни бездушных боевых

машин, и история города, сотни лет люто ненавидимого врагами, оборвется навеки.

Биороботы не знают жалости. Говорят, при создании концепции боевого ударного робота на это был сделан особый упор: если солдат может дрогнуть, усомниться при виде женщины или ребенка, то у машины не возникнет сомнений.

С этим городом сомнений быть не могло — он должен быть уничтожен, стерт с лица земли.

Не только как мощная военно-морская база, как последний оплот обороны противника.

Его надо уничтожить как символ.

Стереть даже память о нем, а с ней — сам дух этого народа, считающего себя особенным, выбивающимся за рамки всемирной бухгалтерии.

Просто списать со счетов. Как уже списаны колоссальные долги государств блока, инициаторов тотальной бойни. История человечества уже переписана — пора подвести реальность под эти записи.

Когда нет шансов выиграть шахматную партию, на помощь приходит «американская ничья» — надо просто смахнуть фигуры со стола.

Обнулить историю.

Ведь это так просто. Так, видимо, думали те, кто отдал приказ. И не важно, что сами они уже превратились в радиоактивный пепел, не успев даже удивиться.

Приказ отдан и должен быть приведен в исполнение.

Корабли шли на бухту, формируя боевой строй по «совокупному» принципу, управляемые сетевой командной системой. Препятствий не было. Чистая математика: силы противника на две трети меньше, даже с учетом досадной потери от ядерного «дружественного огня».

Клиновидные корпуса транспортов уверенно взрезали мертвую воду. Не было даже волнения, будто и волны, и ветер мертвы, как и все живое, до самого горизонта. Вскоре должен показаться вход в бухту, прикрытый некогда мощными, но теперь бесполезными укреплениями. Маяки умерли в момент ядерной вспышки, береговые батареи

молчали. Корабли прикрытия уже получили команду на превентивный залп по береговой черте: никаких неожиданностей быть не должно, перед высадкой десанта противника полагается максимально обескровить. Сейчас древние крепости скрыты клубами дыма, стелющегося над волнами. Но автоматике «десантников» не нужно зрение, выжженное вспышкой. Их вели спутники, уцелевшие после скоротечной орбитальной битвы.

А потому уцелевшие сенсоры не сразу заметили, как в десятке кабельтовых от ближайшего мыса из густого черного облака показался острый, как бритва, нос боевого корабля. Неудивительно — огромный корпус был черен, отчего сливался с водой и дымом, а плоские, угловатые антирадарные панели и системы радиоэлектронной борьбы делали его малозаметным для вражеской электроники.

Корабль медленно выползал из дыма — мрачный и бесшумный, как «Летучий Голландец». Казалось, этот корабль-призрак мертв: его корпус был изрешечен пробоинами и измят после авианалетов, на палубе было безлюдно.

Разведка докладывала: после морской мясорубки в Средиземном море база осталась без прикрытия с моря. Старый, пусть даже модернизированный крейсер, в расчет можно не брать. Единичным кораблям нечего противопоставить доктрине роботизированного «москитного флота».

Но вот он — корабль.

Досадная, но уже ничего не решающая помеха на пути атакующих.

Плавучая машина ожила, ошестинившись лучами прожекторов, взрезавших дымную мглу. С визгом развернулась на баке автоматическая артустановка — корабль-призрак показал зубы. Оглушительная очередь двадцатимиллиметровых снарядов устремилась навстречу врагу, поставив перед ним заграждение из пенных водяных столбов. Электроника мгновенно сделала поправку, откорректировав сбитый прицел. С этого момента ни один снаряд не пропадет даром.

Севастополь двинул в бой свой последний крейсер.

Те, кто вел корабли десанта, оценили угрозу. Но обратного пути не было — и стремительные машины лишь прибавили ходу.

Злобный вой, грохот и пламя — под острым углом, одна за другой в небо ушли противокорабельные ракеты. Резкие пируэты в небе — и ракеты нашли цели. Ревущие метеоры обрушились с неба — как несколько яростных ударов молота Тора. Ни единого промаха — все цели поражены и, догорая, уходят на дно. Уничтожены самые опасные враги — корабли прикрытия. Крейсер, три эсминца и несколько корветов превратились в горящее металлическое месиво, быстро проваливающееся под воду. Но надвигающаяся армада, кажется, не стала меньше. Торпедные аппараты методично сплевывали увесистые сигары торпед, и строй врага был прорежен еще на несколько единиц.

Наступавшие не оставались в накладе: пришедшие в чувство радары противника захватили цель. По сложным траекториям к крейсеру устремились ракеты. Корабль бойко отстреливался противоракетами и бешеным огнем многоствольных зенитных установок. Несколько ракет было сбито на дальнем эшелоне, чуть меньше — на среднем, и пара — практически у борта.

Но в современном бою решает статистика. Корпус крейсера сотряс один удар, другой, корабль заволокло жирным дымом — в огромные, уродливые пробоины стала поступать вода. Ракеты и торпеды были израсходованы. Лишь артустановка продолжала мерно долбить по противнику, уверенно вгоняя снаряд за снарядом в хлипкие корпуса транспортов.

Крейсер выполнил свою роль: вражеский строй нарушен, сеть управления расплзлась под напором систем электронного противодействия. Управление десантными кораблями утратило четкость и слаженность. Но кашлянула в последний раз и запнулась артустановка — кончились снаряды. Крейсер перестал быть серьезной боевой единицей.

Так казалось наступавшим.

Тяжело, обильно всасывая пробоинами воду, корабль отступал к бухте. Это выглядело, как признание поражения.

Вперед, на расстояние прямой видимости, вырвались два уцелевших вражеских эсминца. Расчет был прост: ворваться в бухту под прикрытием поврежденного черного корабля и окончательно расчистить дорогу десанту.

Обескровленный крейсер не мог оторваться. Он и не пытался укрыться в бухте. Между двумя молами, прикрывавшими бухту от волн открытого моря, он сбавил ход и вдруг с грохотом сплюнул якоря. Непонятно зачем — крейсер быстро погружался, уходя кормой в воду.

Эсминцы не стали сбавлять ход. Все, что было нужно — прорваться вдоль бортов умирающего крейсера, по ходу добив его в упор из имевшегося вооружения. Красивые, стремительные корабли — они напоминали хищных рыбин, готовых растерзать ослабевшую касатку. Вздымая пенные буруны, они с противоположных сторон огибали изувеченный корпус крейсера, когда случилось неожиданное.

Мощный взрыв сотряс пространство между мысами. Взметнулись обломки. Крейсер переломило пополам, но к тому же изувечило и опрокинуло эсминцы. Все три корабля в клубах жирного оранжевого огня уходили на дно.

Прямо в центре фарватера, намертво запечатывая вход в бухту.

Транспорты сбавили ход, словно уткнувшись в стену. Перед ними была непроходимая мешанина огня и искореженного металла. Командные системы лихорадочно принимали решение.

Но было поздно. Ожили береговые батареи, накрыв дрогнувшего противника самым примитивным, древним, как мир, артиллерийским огнем. Лишенные прикрытия десантные корабли судорожно отстреливались из приданного вооружения. Но против главного калибра береговых батарей это было практически бесполезно. Некоторым удалось высадить десант — но единичные боевые машины, высаженные на незапланированных участках береговой черты, были быстро прижаты к земле и уничтожены массированным огнем танков и наземной артиллерии. Часть кораблей пыталась уйти в море. Корректируемые снаряды нашли всех.

Искореженные корпуса эсминцев скрылись под водой. Лег на дно пожертвовавший собой крейсер. Но матовая граненая вершина надстройки огромного корабля так и осталась возвышаться над водой, как черный гранитный обелиск.

Наступила тишина.

И длилась она две сотни лет.

* * *

Слава открыл глаза. Сердце билось гулко и часто.

Трудно перейти от видения к реальности, если сон ярче и достовернее окружающего мира и снится с настойчивой регулярностью. Странное явление, которому никто не может дать объяснения. Потому что не сон это — явь, намертво впечатанная в генетическую память рода. Сон этот снится всем мужчинам в его роду, иногда — через поколение. И отцу снился, и деду, и прадеду. Братьям, правда, не снится, но они — исключение. Наследие поколений, которое не сотрешь, не выкинешь. Как клеймо в душе. То ли проклятье, то ли благословение. Обратная сторона способностей, которыми их наделила природа. Изуродованная природа послевоенного мира.

Кряхтя, сел, откинул капюшон комбеза из плотной черной ткани, огляделся.

Вечерело. Шура и Малой возились с костром, в мусорной куче неподалеку что-то шуршало и злобно попискивало.

Однако расслаживаться нет времени, быстро поесть — и в путь.

Встав на колени, он склонился над лужей и с трудом узнал себя в отражении. На него глядел мрачный громила с бритой головой и квадратным подбородком. Татуировка — выползающие с торса на шею щупальца злобного кракена. Со взглядом что-то не так, что ли? Глаза прищурены, взгляд колючий, тяжелый. То ли от усталости, то ли от угрюмого понимания: на карту поставлено все.

Погрузил в воду покрытые татуировками ладони. Бережно зачерпнул, умылся.

Вода. Живительная и священная. Может даровать жизнь, а может и убить невидимой, растворенной в ней смертью. В памяти снова проплыли картины: далекие южные скалы, багровый горизонт. Море-кормилец. Море-убийца.

Подсев к костру, протянул к огню руки, замер, согреваясь. Все же живой огонь, от него и энергия особая. Периферийным зрением уловил в темноте движение.

— А это кого еще черт несет? — тихо спросил Малой. Потянулся за автоматом.

— Не дергайся, Маля, — сказал Слава. — Видишь — в открытую идут.

Сам же незаметно коснулся рукояти «Глока» в открытой кобуре на поясе.

Из темноты вышли двое — открыто, не таясь, не пытаясь скрыть оружие. Хотя кто здесь без оружия бродит? Один, вроде, человек, второй — черт его знает кто. По крайней мере, руки-ноги на месте.

Кивком пригласил незнакомцев к костру, так же незаметно убрал ладонь с рукояти пистолета. Что-то они говорили, но усталый мозг даже не осмысливал ненужную информацию. Уловил только момент, когда один из незнакомцев протянул руку.

— Иван. Прозвище — Снайпер. Это — Рудик, спир. В Москву идем.

Слава поглядел в глаза этого парня. Точно — Снайпер: взгляд цепкий, как застежка-«липучка», аж кожей ощущается. Это хорошо, выразительный взгляд говорит об открытости натуры. Слава неторопливо пожал сухую холодную ладонь, сжавшую его пятерню каким-то особым хватом — небось как рукоять снайперской винтовки, что торчит у него за плечами.

— Вячеслав. Слава с Балаклавы — для своих.

— А мы и есть свои в доску, — заверил Снайпер.

— Надеюсь, — прищурившись сказал Слава. — Хотя не понял, зачем первому встречному свое имя и маршрут выкладываешь.

— В доверии — сила. Не слышал про это?

Слава помолчал, изучая чужака тяжелым взглядом.

— Не слышал, — криво улыбнувшись, сказал он. — В наших краях так не считают.

— А где они — те края?

— Далеко. Севастополь, слышал?

— Да ладно?! Как же вы из такой дали сюда добрались?

— Не важно. Замнем для ясности.

— Понял. Сам не люблю, когда с вопросами лезут...

Они еще говорили о чем-то — о чем говорят случайные знакомцы у ночного костра. А еще была гитара — ее нашли неподалеку в брошенном доме. Лишний груз, но он не удержался, взял с собой, несмотря на ворчание Шуры. Тот и дома не одобрял его «бренчание». А тут и струны нашлись в полуистлевшем мягком кофре. Самое время опробовать, потому что нет лучше времени для гитары, чем ночь, костер и случайные слушатели.

Вновь, целуя невест, покидаем свой кров,
Вновь уходим в туман, с злыми ветрами споря,
Наш единственный крест — это роза ветров,
Наш единственный бог — это Черное море.

Песня оборвалась с лопнувшей струной. И то верно, не время для песен.

Новые знакомые довели их до МКАДа, до легендарного Купола, замкнувшего древний город. Тогда-то Слава и заметил болтавшийся на груди Снайпера жетон. Обычный, армейский вроде, жетон, только с каким-то странным камешком, вставленным в центр. Казалось, эта штучковина ни с того, ни с сего обожгла хозяина — так резко тот выдернул ее из-за пазухи. Ткань камуфляжной куртки под ним задымилась.

И Слава понял, что это.

— Жемчужина... — проговорил он.

Точно, она — порождение гигантского моллюска со дна Мертвого залива. Точно такую же добыл его дед, и это стоило ему жизни. Он ни секунды не сомневался, что это она: по Куполу побежали разряды, стала образовываться

брешь. Эта жемчужина как губка впитывает окружающую энергию, для нее что костер, что аккумулятор, что энергия взрыва — все впитывает и вот так характерно раскаляется. Может быть оружием, а может...

Слава поглядел на Купол.

Может быть и ключом.

Вот это он и выложил Ивану по прозвищу Снайпер. В ответ тот просто вложил жетон с жемчужиной в его руку. Кожу знакомо обожгло.

— Ты знаешь, что с этим делать, — сказал Снайпер.

Слава не знал. Но отказываться от такого дара — грех. Взяв жетон, шагнул в сторону Купола. Брешь в искрящемся поле увеличилась, и пришлось сбросить жетон, удерживая его лишь за цепочку — иначе жемчужина прожгла бы руку.

Путь на Кремль был открыт.

Там они и расстались.

Казалось, осталось совсем немного, и долгий, смертельно опасный путь подойдет к концу.

Но кажущаяся близость цели оказалась иллюзией.

Глава 1

ПУТНИК

Пули лупили в бетон над головой, обильно осыпая пыльным цементным крошевом и грозя зацепить рикошетом. Стреляли беспорядочно, но обильно и злобно, даже не думая экономить драгоценные патроны.

Зигфрид вжался в землю, укrywшись за железобетонной балкой. Грохот автоматов, вой и визг взбесившихся пуль говорили об одном: живым его не выпустят. Он ценная добыча — весь, как есть, целиком. От оружия и личных вещей до мяса, костей и даже тепла остывающего тела: эти подонки не побрезгают выпить его горячей крови. Гемоглобин в этих руинах на вес золота, допинг не хуже наркотика.

Новая очередь — и рядом грохнулся отколовшийся кусок бетона. Мародеры не экономят на пулях — им все достается за так. Потому что трупы всех ими убитых — ничто по сравнению с благополучием мародера. В этом главное преимущество этих мерзавцев — отсутствие тормозов. Мародеры опасны не оружием или каким-то особым боевым искусством, а полной непредсказуемостью. Глупо говорить о каких-то принципах у бродячих бандитов, но даже у безумных отморожков, вроде дампов или нео, есть определенный кодекс поведения, и это позволяет более-менее понимать их мотивацию и предугадывать поступки. Эти же подонки не относили себя ни к какой определенной группировке, и каждый из них думал только о собственной

шкуре. Но при том шкуру эту ценил настолько, что готов был утопить весь мир в крови ради ее сохранности.

Однако все это лирика. Вопрос в том, что противопоставить этому бешеному напору, когда в руках один только меч? Двенадцать убойных патронов в своих револьверах он отстрелял третьего дня, прижатый к стенке голодным биороботом типа «раптор». Холодное же оружие эффективно лишь в ближнем бою — любая огневая мощь сходит на нет, когда стреляющий находится на расстоянии выпада. Осталась сушья безделица — выбраться из ловушки и дотянуться до этих гадов.

Похоже, он переоценил свои силы. Думал прошмыгнуть в эту неожиданно образовавшуюся дыру в Куполе. Редко так удачно найдешь прореху в убийственной энергетической стене. Да, видать, не он один такой хитрый. Банда отморозков с ходу потянулась сюда, видимо, задумав устроить засаду в этом «узком месте». И, похоже, удачно. По крайней мере, эти уроды так думают. Их можно переубедить — если подобраться поближе, чтобы использовать свое единственное преимущество — навыки рукопашной.

— Эй, хорош патроны переводить! Я сдаюсь!

В ответ лишь новая порция пуль. Тут все ясно: мародерам не нужен пленный вест. То ли они знают, что он за птица, и не хотят связываться, то ли просто не заинтересованы в пленнике.

А может, просто хотят жрать. Это самый реальный вариант. Мародеры жрут все, что движется. Жрут и насилуют. Иногда сначала насилуют, а потом жрут. Брезгливости они лишены начисто. Они нарочно опускают себя до уровня животных — думают, что это повышает их шансы на выживание. Спорное решение: мародеров ненавидят все. Любая группировка при встрече стремится уничтожить этих гадов, просто опасаясь удара в спину. С мародерами невозможно договориться, нельзя заключить союз. Их можно только убить или самому стать жертвой.

Самое мерзкое заключается в том, что никто не застрахован от варианта стать одним из них. Мародерство — это не убеждение, это единственно возможный способ выжи-